

Копипаста:Срееру:Якутия — Lurkmore

Вообще, по части всякой крипоты Якутия — это просто Клондайк какой-то. Почти вся республика — сплошные лесные массивы, в 99 % которых никогда не ступала нога человека. Площадь у Якутии такая же, как целая Индия или шесть Франций. Когда едешь ёбаных шесть дней через нескончаемые леса, чтобы добраться из одного населённого пункта в другой, это поневоле доставляет. В общем, крипоте есть где развернуться, и в местном фольклоре крипипасты занимают одно из самых почётных мест.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

Первая история будет связана с гипотетическими местными подводными духами — «сюлюкюнами».

Коренная якутская вера — это классическое язычество: каждая местность и каждая важная область деятельности наделены духами, которые за них отвечают. Впрочем, после присоединения Якутии в состав России в XVII веке местная вера в какой-то мере ассимилировалась с православным христианством и претерпела значительные изменения, в ней появились элементы теизма. Тем не менее, духи природы никуда не делись. Одними из них и являются так называемые «сюлюкюны». Считается, что они почти всё время обитают под водой в разных водоёмах и никак не взаимодействуют с людьми. Традиции якутской веры не считают их злыми духами; тем не менее, особенно добрыми сюлюкюнов тоже не назовёшь. Их внешность подробно не описывается, но их, скорее, представляют как водяных чертов — антропоморфных, но обладающих кое-какими «рыбьими» признаками. Привет лавкрафтовскому Инсмуту.

Так вот, насчёт встречи с сюлюкюнами. Выбираются они из-под воды только раз в году — во время рождественских святок. Как водится, выходят только по ночам, собираются по всяким заброшенным домам да балаганам в отдалении от жилых поселений и там режут друг с другом в карты, лол. Игруют на собственные «подводные» деньги, выглядящие как золотые монеты. Особым смельчакам из числа людей предписано в святочные дни пойти в какой-нибудь пустой дом и затаиться под столом или ещё где, накрывшись тканью. Нужно только очень хорошо приодеться, ибо пустые дома, конечно, не отапливаются, а в Якутии январские морозы запросто достигают минус 50 градусов. Если повезёт, тусовка местных сюлюкюнов будет как раз в этом доме. Когда сюлюкюны соберутся и игровой кон возрастёт, следует заорать из о всех сил и перевернуть стол. Сюлюкюны должны испугаться, опять же лол, и разбежаться. Тогда уже можно собирать оставленные ими денежки. Только нужно всё это добро истратить в течение трёх дней — потом золото сюлюкюнов превратится в водоросли, коим оно изначально и являлось.

Но присутствовать на собрании сюлюкюнов можно не только для материального обогащения. Во время партии в карты сюлюкюны не молчат, а многословно обсуждают будущие события и судьбы живущего поблизости народа — так что, если не испортить их праздник и внимательно слушать, можно разжиться ценной информацией о своём будущем и о своих родных. Вообще, это один из видов местных святочных гаданий, но не представляю, как можно быть настолько упоротым, чтобы в минус 50 мороза потащиться ночью одному в пустой дом и там сидеть всю ночь в ожидании толпы сверхъестественных тварей.

А теперь собственно кулстори, который мне рассказывали в детстве и от которого я плохо спал зимними ночами. Парадокс: прямого отношения к сюлюкюнам он не имеет, но нужно было всё равно сначала объяснить их сущность, чтобы все въехали в смысл истории.

Итак, Центральная Якутия, январь, святки, лютые морозы. Два молодых крепких брата решают отправиться послушать сюлюкюнов, а если повезёт, то и денежки их себе прибрать. Так как отношение к увлечению «серьёзными» святочными гаданиями у народа настороженное (всякие девичьи гадания по воску, зеркалам и иглам, конечно, не в счёт), то они никому о своём плане не сообщили, даже родителям. Для вылазки выбрали пустой древний балаган в поляне, который находился недалеко от их деревни (таких построек в Якутии много, раньше-то люд жил семьями, рассредоточившись по отдельным полянам). Вечерком, укутавшись в самые тёплые одежды и прихватив с собой пару бутылок водки, братья вышли из дому и направились к месту назначения. Настроение хорошее, вдвоём не страшно, к холоду привыкли — в общем, всё окей.

Пришли на место, залезли под ветхий стол, как полагается, укрылись толстым покрывалом. Сидят, шёпотом разговаривают про всякое, время от времени хлебуют из бутылок. Зажечь огонь нельзя — сюлюкюны испугаются и не придут, только лунный свет через окна. Тут, кстати, деталь: к старым якутским балаганам вплотную примыкает хлев — между балаганом и хлевом всего одна дверь, чтобы в морозы туда-сюда не бегать, отмораживая яйца. И вот братья сидят уже несколько часов, время за полночь, оба уже немногословные, сонные. И тут заскрипела дверь хлева. Братья поднапряглись, у обоих одна мысль: вот, начинается, сюлюкюны начинают собираться. Но некоторое время опять всё тихо, потом опять дверь хлева скрипит, на этот раз громче — по звуку понятно, что дверь медленно открывается. И из хлева доносится приглушённый звук, похожий на куриное кудахтанье. Тут младший брат заорал не своим голосом, отбросил покрывало, выскочил из-под стола и бросился к выходу. Старший, естественно, сразу за ним. Да только вот ему не повезло: младший выбежал на улицу, а старший споткнулся о порог и растянулся у входа. Начал звать на помощь и тут же словно поперхнулся, потом уже так заорал, как будто его живём сжигают. Младший от такого побежал только быстрее, высирая тонны кирпичей. Пока он

бежал до окраины поляны, брат всё кричал сзади, а потом замолк. Младший оглянулся только у опушки леса, но оттуда уже было очень плохо видно — стоит балаган, тихо, никакого движения возле него нет, а остальное в лунном свете не разберёшь.

В общем, он припустил со всех ног и через час где-то прибежал в деревню обратно с выпученными глазами, не помня себя. Сразу рассказал всё отцу, и тот едва не набросился на него с кулаками: мол, как такими дураками можно быть, хотя бы справки навели о том, куда идёте, перед тем как отправиться туда. Оказалось, именно в этом балагане давным-давно, ещё до революции, жила семья, все члены которой погибли друг за другом без видимых причин. Официальное тогдашнее объяснение — «злой дух сожрал». С тех пор на этой поляне никто не живёт, даже сено не косят, хотя она довольно-таки плодородная. Никакие сюлюкюны, конечно, в таком месте тусняк устраивать не будут, всё ж таки они не совсем демоны, а вот кое-кто «другой» вполне мог заинтересоваться двумя долбоебами, которые сами в самый тёмный час пожаловали в заброшенное место.

В общем, отец с младшим братом быстро собрались, сели в УАЗик и поехали на полном газе обратно к балагану. Добрались быстро, всю дорогу отец журил сына за то, что тот бросил старшего брата. Приехали, вроде всё было тихо. Остановили машину, причём у младшего брата начали стучать зубы, и он наотрез отказался выходить из машины. Пришлось отцу самому идти к проклятому месту. Старший брат лежал на снегу там же, где упал, лицом вниз. По следам на снегу видно, что он даже и не дёргался особо после падения — сразу умер. Тело уже околело — мороз же. Тут отец уже зарыдал в голос. Делать нечего, погрузили мертвеца в машину, поехали домой. Когда там сняли с него всю многослойную одежду, оказалось, что на спине под правой лопаткой здоровенный синяк, будто кто-то огромным кулачищем его туда ударил прямо через все слои одежды.

Позже младший брат рассказывал, что он видел до того, как стал убежать. Когда в очередной раз закричала дверь хлева, он украдкой приподнял покрывало и посмотрел туда, увидел при лунном свете в проёме идущий в их сторону огромный, под три метра ростом, чёрный человеческий силуэт и тут уж не выдержал — закричал и рванулся вон...

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ

Ещё одно якутское стори, которое пугало меня в детстве. По рассказам, произошло в советское время в Таттинском районе в небольшой деревушке среди бела дня. Рассказчик — назовём его Семёном — был местным колхозником и летним вечером возвращался от сенокоса в деревню. Грунтовая дорога шла по пустыри, было солнечно и жарко (между прочим, летняя жара в Якутии тоже нечеловеческая, редко опускается ниже 30 градусов, а временами доходит и до 40 — то есть абсолютная разность температур в разные времена года приближается к 100 градусам). Семён идёт себе, настроение хорошее, напевает что-то под носом и в какой-то момент замечает, что навстречу ему по дороге идут трое. Тот, кто в центре — повыше, остальные ниже него. Семён тогда воспринял их как взрослого и двух его детей. Он думает, кто бы это мог быть. Пришёл к выводу, что это некий Никитин со своими сыновьями из его деревни и спокойно идёт дальше. Но когда те подошли ближе, он заметил, что тех, кто идёт по бокам, детьми не назовёшь — они были лишь чуток ниже центрального. Потом Семён обратил внимание, что очертания у идущих очень странные — они были в одинаковых серых одеждах, и грузные фигуры, скрытые под этими одеждами, спускались до земли, расширяясь книзу — то есть по форме «идушие» напоминали что-то вроде бутылки. Ног он у них так и не увидел и не понял, как им удаётся передвигаться.

Семён испугался не сразу. Сначала просто на автомате продолжал идти, потом внезапно различил их большие чёрные глаза на лицах, белых, как бумага, и его буквально перекосило от ужаса. Тут же вспомнил, что, по якутским поверьям, при встрече с «абасы», то есть всякими злыми духами, ни в коем случае нельзя убежать — иначе погонятся и могут убить на месте (см. предыдущую пасту, например). В двадцати шагах вперед от дороги отходила узкая тропинка, и он поставил себе целью дойти до развилки раньше «бутылочных» людей и разминуться с ними. Но страх настолько сковал его, что он буквально заставлял себя идти вперёд с мышинной скоростью. Смотреть на лица этих существ он боялся, но стоило ему опустить взгляд, так сразу казалось, что они вот-вот набросятся на него, и глаза автоматически возвращались к «идушим». Как он запомнил, все трое были практически одинаковые на вид — белые, без единой кровинки, с остановившимися большими чёрными глазами, которые смотрели только вперёд, и с грузными деформированными фигурами, которые становились шире в нижней части. Различались они только ростом.

Наконец, Семён добрался до развилки и свернул на тропинку. На тот момент между ним и существами оставался всего десяток метров. Стараясь не бежать, он шёл по тропинке, краем глаза наблюдая за «идушими». К его облегчению, те прошли мимо, даже не глядя в его сторону. Отойдя от них на приличное расстояние, Семён уже припустил бегом и бежал аж до своего дома. Оборачивался пару раз и замечал вдалеке на дороге тёмные силуэты «бутылочных» людей.

Как потом оказалось, в тот день не только он видел их. В деревне и в окрестностях несколько людей случайно тоже заметили эту троицу и смертельно перепугались. Сошлись все во мнении, что эти «люди» никакого интереса в их деревне не имели и были как бы «проездом», направляясь куда-то по своим «делам»... Как-то так.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ

Эта история, по легенде, произошла в одном из центральных районов Якутии.

В конце 70-х годов некий анон жил в небольшой деревне недалеко от райцентра. Было ему тогда лет десять, он дружил с соседским мальчиком Васей. Однажды утром проснулся и, как всегда, пошёл к нему домой поиграть, а его мать сказала, мол, Вася заболел, поэтому играть не будет. Анон пошёл к себе домой, а на следующее утро его мать сообщила, что Вася умер. Как потом ему рассказали, у мальчика вдруг появилась страшная боль в голове. Родители Васи целый день пытались заниматься самолечением и лишь вечером послали за врачом в райцентр (в деревне была лишь одна женщина-врач, да и та могла заниматься только простудой и производственными травмами). К тому времени ребёнок уже был тяжёлом состоянии, местный врач запретила его в таком положении куда бы то ни было перевозить. Поэтому отец Васи выехал на своём «Жигули» в город, чтобы быстро привезти врача на своей машине, не дожидаясь, пока в райцентре освободится «скорая».

Приехали они поздно ночью — оба белые, как мел. Оказалось, что когда ехали обратно через лес (километрах в пяти от нашей деревни), то заметили в зеркале заднего вида в лунном свете, как в ста метрах от «Жигулей» за ними гонится человек без головы. Увидели его оба: и отец Васи, и врач. С такого расстояния, да ещё ночью, никаких особенных деталей, конечно, разглядеть не могли, только оба утверждали, что он был ненормально высоким — даже без головы его рост достигал двух с половиной метров. Отец Васи дал по газам, и жуткий преследователь вскоре отстал.

Успокоившись, врач поставил Васе какие-то уколы, капельницу, приказал соорудить носилки и на них очень осторожно отвезти его в райцентр. По пути мальчик скончался. Говорили, что на полпути к городу, перед тем, как умереть, он ненадолго пришёл в себя. Говорить не мог, но постоянно поднимал правую руку и указывал пальцем куда-то назад. Помня о недавнем видении, взрослые с опаской вглядывались в ночную дорогу за машиной, но ничего не увидели. Спустя несколько минут он умер.

ИСТОРИЯ ЧЕТВЁРТАЯ

А вот это, анончики, нухуя не паста, ибо приключилась со мной лично, я был в составе школоты из того самого класса. Пожалуй, пока единственный реально крипотный случай в моей жизни.

После окончания 9-го класса, сдав государственные экзамены, мы всем классом отправились в поход за город. Место, куда мы направились, выбрали учителя — небольшая поляна километрах в пятнадцати от города, с речкой и небольшим чистым прудом. Время мы проводили весело — играли в волейбол, наедались до отвала, кое-кто из парней тайком употреблял привезённое с собой пиво. А под вечер, когда начало темнеть, собрались у костра и стали рассказывать друг другу страшные истории. Когда собрались после этого спать, то все уже были в таком состоянии, что нервно вскрикивали от каждого шороха. Несколько парней отправились к опушке леса, чтобы справить нужду вдалеке от всех. Я начал лезть в палатку, когда они прибежали обратно с выпученными глазами и переположили всех.

По их рассказам, произошло вот что. Приближаясь к опушке, они вдруг увидели, что за одним из деревьев неподалеку прячется человек и осторожно выглядывает оттуда. В полутьме они не смогли отчётливо увидеть его лицо, но предположили, что кто-то из наших ребят решил их напугать после костровых баек. Стали ему кричать — мол, выходи, мы тебя засекли. Тот опять спрятался за деревом и выглянул с другой стороны. Так он повторил несколько раз, прежде чем парни заметили, что с каждым разом лицо поднимается всё выше и выше за стволом дерева — скоро оно уже мелькало на высоте четырёх-пяти метров. Причём на этом дереве до самой верхушки не было никаких веток или сучьев, о которые можно было опираться! Тут ребята, конечно, перепугались и побежали обратно к нам.

Мы поверили испуганным одноклассникам не сразу — кто знает, может, они решили над нами приколоться. В итоге всей толпой отправились осмотреть то самое дерево. К опушке близко не подходили, но мелькающее за стволом дерева белое пятно увидели все. И пятно действительно то поднималось выше, то опускалось почти до земли. Девочки начали плакать от страха. Учителя велели нам быстро рассестись в машины, и мы на ночь глядя уехали обратно в город.

ИСТОРИЯ ПЯТАЯ

Кстати говоря, несмотря на обилие духов всего и вся в природе, такого понятия, как «леший» или его аналога в якутских верованиях не существует. Есть Баянай — дух-покровитель охоты, и считается, что с ним можно столкнуться в лесу (есть куча кирпичных легенд о таких случаях), но на лешего он не сильно похож, да и рангом повыше. Словом «леший» («тытааагы») в Якутии называли медведа, лол. Возможно, леший просто не нужен в мифологии ввиду того, что и без него любая местность, всякий участок леса, любая гора, водоём и т. д. — всё имеет своего собственного духа-покровителя. Сущности эти, надо сказать, с малоприятным характером, и могут сильно напиздячить путника, если он не будет соблюдать местные правила. Иногда даже физически. Например, в Якутии строго запрещено, находясь на новой для себя безлюдной местности, вслух произносить его название — считается, что это смертельно оскорбляет местного духа, ХЗ почему. Вам смешно, а автор-куну родители в детстве во время поездки чуть не надавали пиздюлей за обычай читать придорожные таблички с названием местности. Даже в наши дни это железное правило — если вы его нарушите, то все будут на вас коситься. Даже я сам тоже, наверное, стал бы коситься — одно дело сидеть в уютенькой квартире и посмеиваться над тупым быдлом, и совсем другое — если ты зимним вечером в трехста километрах от цивилизации в дремучем хтоническом лесу, и

может случиться вообще всякое. Вот так вот.

Короче, дальше пара паст про случаи нарушения подобных правил.

При въездах в особо священные местности у дорог в Якути стоят деревья, сплошь обвешанные фантиками, монетками и даже купюрами побольше. Их довольно-таки много на дорогах, сам видел за свою жизнь пять разных таких деревьев. Это называется «кэрях» — священное дерево. Если ты хочешь, чтобы во время поездки через данную местность НЕХ тебя не трогали, то должен платить при въезде дань — оставить на дереве любой фантик, монетку или купюру. Собственно, в наше время это правило не слишком строгое — даже если ты ничего не оставил, то при отсутствии прочих косяков ничего с тобой не станется. А вот если ты как-то оскорбил дерево или, того хуже, собрал с него бабки, то всё, пиздец, будь готов к массивной атаке местных НЕХов.

Первый случай относится к поздним совковым временам — где-то, наверное, 80-е годы. Какой-то начальник из райцентра, назовём его Николай, поехал с визитом в другой район, расположенный по соседству, на служебном «ГАЗике» с водителем, назовём его Иван. Стояла зима, ехали долго, и пока они были в дороге, успело стемнеть. При въезде в какую-то поляну они вышли отлить и увидели такое украшенное дерево. Естественно, они знали, что это такое, но значения не придали, а водила ещё и почему-то послал под корень этого дерева. Залезли обратно, едут дальше, болтают о том о сём, вокруг тьма, заснеженная дорога видна только круге света от фар. И вдруг водила замечает, что шум мотора «ГАЗика» резко изменился, и машина чуть осела и стала терять скорость. Он жмёт на газ, мотор ревёт, но «ГАЗик» всё равно ползёт еле-еле. Тут начальник Николай спросил его, а с чего это в кабине вдруг стало вонять какой-то тухлятиной. Иван пожимает плечами, потом оглядывается назад и видит, что на заднем сиденье расположился посерединке какой-то тощий якут в ветхих шерстяных одеждах и неприятно так смотрит прямо на него. Он от страха чуть не обделался, вспомнил, что он сделал у дерева, и тут же снова посмотрел вперёд, на дорогу. Причём он продолжал водить машину на автомате вперёд. Начальник спросил у него, в чём дело, а он только кивнул назад, ни слова больше вымолвить не может. Начальник оглянулся и тут же заткнулся. Вонь усиливается, машина ползёт, как черепаха, будто пассажир на заднем сиденье весит как минимум несколько центнеров, оба человека в кабине срут кирпичами и сходят потом, но останавливать машину посреди безлюдной поляны не хочется. Так и едут дальше. Водила бросает взгляд на зеркало внутри кабины, но там ничего не отражается — заднее сиденье. Но стоит ему повернуться назад, как в нос бьёт та же вонь, будто пассажир помер и разложился две недели назад, и водитель опять ловит на себя колючий взгляд впалых глаз. Кирпичи вылетают с удвоенной силой, водитель опять смотрит на дорогу и уже не пытается обернуться.

Ехали они так где-то час, пока не добрались до первого встречного населённого пункта. Когда огни домов уже были близко, водитель почувствовал, как машины поехала легче. Набравшись смелости, обернулся — на сиденье никого. Вдохнул с облегчением, дёрнул начальника, оба выдохнули. Но вонь исчезла не сразу, пришлось даже окна приоткрыть, чтобы запах выветрился сильнее. Потом оба долго сокрушались по поводу того, что надо бы всё-таки чтить традиции впредь, чтобы в снова в такую крипоту не угодить.

ИСТОРИЯ ШЕСТАЯ

Второй случай. По примерным прикидкам время действия — где-то 60-е годы. В Амгинский район из Якутска выезжает какой-то расписдьяй — кстати, не якут, а русский. Сейчас, наверное, его назвали бы БОМРОм. Ехал он в Амгу к своему корешу, который обещал его трудоустроить в местный колхоз, ибо в городе устроиться ему не удалось, а деньги все проиграл в азартных играх. Кто-то его подкинул по дороге до какого-то пункта, а дальше он пошёл пешком напрямик по какой-то мелкой дороге. Раннее лето, комаров ещё нет, вокруг тепло и светло, в рюкзаке с собою немного жрачки и водочки — в общем, жизнь хороша. Наш герой идёт себе, потом видит опять на возле какой-то поляны у дороги большое ветвистое дерево, обвешанное разноцветными лоскутками. Естественно, не имеет понятия, что это такое. Сначала дерево просто его позабавило, потом пригляделся — мать моя женщина, под деревом и в его коре куча монеток, есть даже бумажные купюры! В общем, недолго думая, он всё собрал (набралась неплохая для его положения сумма), положил себе в карман и пошёл дальше в совсем хорошем настроении. К вечеру устроился в какой-то поляне, где был пустой летний домик — постелил на топчан собственную куртку, выпил водки и лёг спать.

Не успел заснуть, как чувствует, что кто-то дёргает его за ногу. Он пытается не обратить на это внимания и спать дальше, но дёргают всё сильнее. Он вскакивает, оглядывается — никого: светлая летняя ночь, пустой дом, пустая поляна. Ложится вновь. Как только его опять сморило, начинают дёргать, как раньше. На этот раз он сматерился, выскочил из дома и обежал строение кругом — никого нет. Спросонья страха особого наш герой не испытывал. Опять лёг спать, сменив положение. Сначала долго не мог уснуть, потом всё-таки провалился в сон. На этот раз дёрнули за ногу так сильно, что он свалился с топчана, так ещё и поволокли немного по полу. Но когда он открыл глаза, никого возле него опять не было...

Так продолжалось всю ночь — человек пытался заснуть, а кто-то не давал ему сделать этого. Наконец, под утро после очередного дёргания за ногу он привычно открыл глаза и приподнялся — и увидел над собой в полутьме чёрный силуэт крупного человека мощного телосложения, склонившегося над ним и держащего за ногу. Вот тут-то нервы не выдержали — вскочил с топчана, заорал, выбежал из дома и побежал куда глаза глядят. Потом только понял, что оставил в домике свой рюкзак, но вернуться смелости не хватило. Бежал всё утро, пока не вышел на деревню, постучался там в какой-то дом, рассказал про свою беду. Ему посоветовали вернуться и положить деньги обратно у дерева. Тут он вспомнил, что эти деньши всё ещё у

него в кармане, пошарил — а там дырка, всё выпало, пока он убежал. Вернуться, конечно, не намеревался, отправился дальше с кем-то из местных в Амгу.

ИСТОРИЯ СЕДЬМАЯ

Запилю ещё одну якутскую крипиасту. Она несколько нетипична для местного фольклора, ибо злые духи («абасы») обычно в пастах не описываются как вполне телесные существа — обычно они расплывчаты или предстают в виде силуэтов, прячутся во тьме или их лица не удаётся разглядеть, внезапно появляются и исчезают и т. д., ну как в предыдущих пастах. Тем не менее, вот эту историю очень любят пересказывать у костра, а некоторые местные писатели даже написали рассказы на её основе.

Дело опять касается двух братьев. Старшему около тридцати, младший лет на пять моложе. Оба были кадровыми охотниками и пошли ближ к осени поохотиться месяц-другой в дремучие ебенья, где дичь ещё не распугана человеком. У них это был не первый совместный дальний поход, так что уже привыкли, ни о чём не волнуются, всё схвачено, лес для них — дом родной. Устроились возле какой-то безымянной речки в лесу, быстро построили временную хижину, развели огонь, по железной местной традиции покормили дух огня (а через него все местные духи) едой и спиртным, чтобы они им покровительствовали, ну и приступили к охоте. Дичи было много, за пару-тройку дней настреляли нехуёво и уже радостно потирали руки, представляя, сколько бабла получают, когда сдадут всё в приёмку (дело, естественно, при совке происходит).

Где-то на четвёртый и пятый день пошёл первый снег. Вечером братья сидели в хижине после охоты, спокойно ужинают, говорят о том о сём, огонь горит, в хижине тепло и сытно и вдруг слышат — за стеной кто-то ходит. Звук шагов по свежему снегу отчётливо слышен. Сначала схватились за ружья — а вдруг медвед? Но нет, шаги вполне человеческие, звук подходит к двери хижины и женский голос говорит: «Бр-р, холодища-то какая!». Тут братья совсем зависли. Меж тем дверь открылась, и в хижину входит молодая женщина, вполне себе красивая, в хорошей одежде (правда, несколько старомодной для совка, но в лесу мода не закон — главное, чтобы тепло было). Увидев братьев, радостно заявляет, что она дочь жителя деревни неподалёку отсюда, вышла прогуляться по лесу, да заблудилась — весь день блуждала по лесам, уже подумала, что умрёт, но тут увидела хижину и огонь внутри неё, вот и пришла. Братья переглядываются — местность они неплохо знают, в радиусе трехста километров вокруг никакой деревни нету. Но женщина вполне себе настоящая, вся от холода дрожит, и они, как джентльмены, учтиво предоставляют ей место у стола, наливают чай и суп. Она с благодарностью всё это ест, рассказывает про себя, мол, как она напугана, как им благодарна и т. д. Страший брат кивает да подкакивает, а младший был по жизни хикки, и поглядывает на гостью с подозрением. Улучив момент, под предлогом поссать выходит из хижины. Там уже сумеречно, но различить что-то ещё можно. На свежему снегу видны следы женщины. Он следует по ним всё дальше, и в итоге следы обрываются у берега речки. А речка-то ещё не замёрзла — если бы женщина переправлялась через него вплавь, то она была бы вся мокрая. Подозрения младшего брата растут, он вспоминает про всякие непонятные древние легенды охотников о хтонических злых духах, которые живут в дремучих лесах, причём по легендам эти духи настолько невьебенно мощные, что по сравнению с ними всякие мелкие абасы — так, детская игра. В общем, решает по-тихой шепнуть о своих соображениях братану и дальше действовать по обстоятельствам.

Заходит обратно в хижину — а там уже бутылку открыли, флирт в самом разгаре, видно, что старший братец уже думает не головой, а хуем. Ну то и понятно — он не женат, а женщина весьма аппетитная, и к тому же по виду совсем не против. Младший пытается вклиниться в их разговор, мол, там наша охотничья экипировка мокнет под снегом, надо бы выйти убрать, на что получает со стороны брата выразительный взгляд: «Пошёл нахуй», а женщина на мгновение одаривает его таким колючим, неженским, даже нечеловеческим взглядом, что младший высирает кирпичи и отходит в сторонку. Сидит он мрачно у себя в углу, тем временем флирт всё ближе к постельной стадии. Но в итоге всё-таки ему удалось поймать своего брата, когда тот выходил на улицу перед тем, как отправиться в постель. Пытается рассказать ему про следы, про этот страшный взгляд женщины и о том, что её легенда вообще шита белыми нитками, но старший брат мало того, что парит на крыльях ожидания близкого секса, так ещё и сильно пьян и ничего не хочет слышать. Кончается дело тем, что старший припирает младшего к стенке хижины и обещает дать ему хорошую взбучку, если он обломает ему кайф. Младший от такого в ахуе — страший брат раньше никогда не позволял себе с ним так разговаривать, пусть даже трижды пьяный.

В общем, устроилась парочка в углу хижины и отгородилась ширмой. Свет потушили, младший брат лежит в другом углу, вслушивается в характерные звуки и тухнет. На всякий случай прямо под одеялом он держит свою двустволку с заряженными патронами в стволе. Лежит, процесс в том углу продолжается, вроде всё спокойно, и незаметно его сморил сон.

Проснулся ночью от какого-то скрежета. Судя по тому, что угли от огня ещё не потухли окончательно, прошло не так уж много времени. Странный скрежет явно доносится с угла, где лежат женщина и брат, и после каждого скрежета то ли стон, то ли тихое завывание его брата. Младший вскакивает с кровати и с ружьём наперевес бросается в тот угол. Отдёргивает ширму одной рукой, другой держа двустволку наготове — и видит в темноте, что его брата оседлал какой-то тёмный силуэт совсем не женских форм, с ярко горящими жёлтым огнём глазищами на пол-лица, и грызёт его шею — а звук, стало быть, раздаётся из-за скрежета зубов о позвонки. Брат только слабо стонет. Младший от такого зрелища чуть не потерял сознание, но всё же в упор выстрелил промеж глаз этого существа. Раздался визг, существо соскочило с брата и бросилось к выходу (иногда тут добавляется, что оно прошипело перед тем: «Надо было тебя прикончить первым»). Младший палит вслед из второго ствола, НЁХ опять орёт и выбегает из хижины,

выдавив дверь. Младший срочно размешивет угли, добавляя света, и склоняется над своим братом — но уже поздно: глаза закатились, горло перегрызено, вся постель в крови. Ещё странно, что потом младший брат так и не нашёл следов крови на полу или у двери, да и снаружи на снегу тоже, хотя дважды попал из дробовика в это существо.

Как только рассвело, младший рванул обратно в населённый пункт. Потом вернулся с командой мужиков забрать тело брата и размонтировать хижину. С тех ту речку стали называть Абасы-Юрэгэ (Речка Злых Духов) и перестали шататься в окрестностях.

В нашей деревне, кстати, был мужик, тоже охотник, который утверждал, что этот Абасы-Юрэгэ есть в Алданском улусе, и что он бывал там проездом пару раз, а один раз даже заночевал у речки, и ничего не происходило. Наверное, брешил.

ИСТОРИЯ ВОСЬМАЯ

Эту историю мне тоже рассказывали в детстве, она в Якутии практически архетипичная — в разных вариациях я слышал его не менее трёх раз. Говорят, ещё до революции в народе были распространены легенды о «невидимых сожителях» разной степени кирпичности. Вот этот вариант самый криповый.

Отправились как-то осенью один дед со своим зятем и внуками в лес привезти дров. Семья у них была большая — дед, бабка, старший сын с женой и двумя детьми, младший сын со своей невесткой (в деревнях Якутии, кстати, многие и сегодня живут большими семьями, не рассредотачиваясь по разным домам). Погода стояла хорошая, за день успели повалить немало деревьев. Но ближе к вечеру им попало одна особенно крепкая большая лиственница, от которой топор отскакивал, как от камня. Даже бензопила (знаменитая «Дружба») не брала это дерево — цепь насмерть застревала каждую минуту. В общем-то, в лесу деревьев много, зять предложил оставить в покое дерево и заняться другими, но дед упёрся и заявил, что он будет не он, если не повалит сие дерево. Промучились весь вечер, но удалось в итоге всё-таки его повалить. На этом работа на тот день кончилась.

Через некоторое время настал день, когда они стали грузить деревья на прицеп трактора, чтобы повезти к себе в деревню. Тут то самое дерево тоже показало себя во всей красе: пока пытались загрузить его на прицеп, оно раз шесть скатывалось обратно, как бы само собой. По дороге обратно ещё оно хуй знает как свалилось с прицепа, хотя там со всех сторон были препятствия из прутьев. Завезли к себе, стали на следующий день заготавливать дрова. Один из внуков хватил топором по дереву, тот отскочил и ударил его самого в лоб. Видя такое, старик разозлился и велел в первую очередь заняться именно этим деревом. Потратили целый день, но всё-таки распилили и раскололи на дрова. Дед самолично занёс охапку дров из этого дерева в дом и запихнул в печь. Дальше, естественно, эти дрова никуда не хотели гореть, но дед был тоже не лыком шит — облил бензином, насовал в печку газет и таки разжёл. Дрова загорелись, а старик вытер лоб и стал ржать, мол, значит, и тебе есть конец, чёртова деревяшка.

Тем вечером начались кирпичи, причём не мутно и постепенно в течение месяцев, как в американских фильмах, а сразу на полную мощь. Семья ужинала, и вдруг невестка младшего сына заорала в голос. Все посмотрели на неё, а она говорит, что только что её кто-то по лицу ударил. Думают, тья ёбнулась, но тут опять кто-то невидимый стал ей оплеухи отвешивать, да так, что голова из стороны в сторону моталась. Дед попытался закрыть ей лицо своими руками, и тут НЁХ принялся за него — ударил поддых, потом стал хлестать по лицу. Когда дед, оставив за собой кирпичный Кремль, выбежал из дома, невидимка опять принялся за невестку. Мучил её весь вечер, потом, когда у неё обе щёки стали красными, как раки, вроде отъебался. Но радоваться было рано — ночью оно залезло к ней в постель, скинуло одеяло на пол и стало давить всем нехуёвым весом и душить. Тут уж все переполошились, тья в слезах, мужики ничего не понимают, дед хватается за голову, уразумев, что ёбаное дерево-то непростое какое-то было... Пригласили местного батюшку. Тот с крестом, кадиллом и святой водой едва вошёл, как НЁХ тут же расплескал ему всю воду, сосуд разбил, сорвал с шеи крести швырнул куда-то нахуй в угол, а самого священника тоже стал по щекам хлестать. В общем, как батюшка пришёл, так и сбежал.

Потом началась весёлая жизнь. По утрам и днём НЁХ обычно затихал, но давал о себе знать мелкими пакостями: то коровье говно в молоко положит, то тесто испортит, то чашки чами собой на полках бьются. По вечерам он каждый раз принимался за невестку — бил её, за одежду хватал, в её порцию еды всякую гадость клал, щупал по ночам (хотя насиловать вроде не пытался, и на том спасибо). Всех остальных, включая того самого деда, особо не трогал, если они не пытались защитить девушку. Если всё же пытались, то устраивал им рестлинг, причём намного жёстче, чем с девушкой — запросто мог синяков наставить и кости переломать. Сами мужики никогда ничего не смогли ни схватить, ни хотя бы почувствовать.

Дед обратился к местному шаману. Тот прийти к ним в дом отказался, мотивируя тем, что нечисть явно сильнее него. Так как все сошлись на мнении, что НЁХ прибыло к ним в дом вместе с деревом, в котором, видимо, раньше и обитало, шаман посоветовал отвезти дрова из того дерева обратно на то же самое место. Так и сделали, причём дровишки обратно ехали уже без всяких фокусов. Не помогло — «сожителю», видимо, в деревне показалось веселее. Так и жили целый месяц, попробовали все средства, от угольных кругов на полу до молитв и кошек, но ничего не действовало, а НЁХ после каждой попытки его вытурить шалил с особым рвением. В конце концов от такой жизни у невестки случилось помутнение рассудка, она начала сохнуть на глазах и бредить о всяком.

Кстати, в этот период к ним приходил чекист специально из другого села, который, услышав слухи, решил, что местные нарочно распространяют заразу мракобесия. Зашёл с возгласом: «Ну где это ваше чудовище?», и тут же пистолет, который висел у него на ремне, сам собой выстрелил — едва хуй не отстрелил чекисту. Тот схватился за ремень, и тут же из-за печи кто-то прицельно и очень метко стал швырять в него лошадиными какашками. Чекист в панике вытащил пистолет, заглянул за печь — а там никого. Тут НЁХ стал по-старому бить его по лицу. Чекист выбежал из дома вон и больше не возвращался.

В итоге решили отправить невестку к её родственникам в другое село. Пока ехали по деревне, она всё смотрела назад и плакала, говоря: «Мой бедный абасы не может угнаться за нами, отстаёт, манит меня назад», потом, на выезде из села: «Мой бедный абасы остался плакать у берёзы». И вдруг весь бред сошёл, и к ней вернулся разум. Естественно, после такого она не возвращалась в ту деревню, и брак распался сам собой. Впрочем, в деревне были не против — как только она уехала, НЁХ будто испарился, прекратились все его выходки и игры. Сначала шарахались от каждой тени, ожидая его возвращения, но этого так и не случилось. Видимо, без тян абасы стало скучно, и он вернулся обратно в свои ебень. Хэппи-энд, как говорится.

ИСТОРИЯ ДЕВЯТАЯ

Сегодня немного расскажу о таком явлении, как «кэритии» (обход) — аналог воздушных мытарств в христианстве. Считается, что после смерти человека в течение какого-то времени его дух не покидает землю, а посещает последовательно все места, в которых бывал при жизни (для 90 % жителей деревень все эти места, в принципе, ограничиваются родным селом и прилегающими местностями). Отличие обхода от мытарств в том, что просиходит это не слышно-невидимо: когда дух совершает такой «обход», некоторые люди могут слышать странные звуки и голоса, будто проносящиеся под небом, а особо чувствительные личности могут и узреть этот процесс. Причём само слово «кэритии» на якутском языке по смыслу содержит элемент принуждения: дух не по своей воле совершает обход, а его как бы заставляют.

Так вот, родная сестра моей бабушки в молодости тоже видела всякое. Годам к сорока зрение у неё ухудшилось, она перенесла пару операций, и в результате стала очень плохо видеть. Сама она объясняла это тем, что она была слишком зоркой, и «другие» не захотели, чтобы она слишком вникала в их дела. Она рассказывала мне в детстве довольно кирпичные истории. Вот история, которая касается того самого обхода.

Итак, в нашей деревне умер какой-то старый долгожитель, его похоронили, после этого прошла пара дней. Сестра бабушки вместе с остальными отправилась в поле на сенокос (покойник при жизни, естественно, тоже много времени проводил на сенокосе, так что посещение им при «обходе» этого места было вполне логично). И вот после обеда в разгар работы она вдруг услышала странные звуки — будто собачий вой вперемешку с плачем. Она остановилась, огляделась и увидела, что в отдалении вдоль дороге плывёт в воздухе какой-то предмет наподобие спортивных козлов, на нём кто-то восседает, а по обе стороны от него парят в воздухе два тёмных силуэта, напоминающих человеческие, и, кажется, бьют его — точнее, лупят какими-то палками. Избиваемый, в свою очередь, и испускает тот самый жалобный нечеловеческий вой. Сестра бабушки отложила кирпичей и посмотрела на других, но никто, кроме неё, этого не замечал. Она к тому времени уже привыкла к тому, что иногда она видит то, что другим недоступно, так что стала молча наблюдать. Вся эта странная процессия проплыла по дороге мимо (так как сестра бабушки находилась в поле далеко от дороги, она так и не смогла увидеть этих существ вблизи, да и не горела желанием). Просто в какой-то момент она как-то поняла — то ли по голосу, то ли по внешности, — что центральный человек «козлах», тот, кого бьют, и есть тот самый покойник, которого недавно похоронили. Это оставило у неё весьма тягостное впечатление — в якутской традиции не считается, что «обход» сопровождается таким жёстким BDSM, да и покойник был при жизни человек вполне приличный, чтобы обращаться с ним после смерти таким образом. В общем, она, рассказывая мне это, была уверена, что стала свидетельницей процесса «обхода». До и после этого после похорон в деревне она иногда вечерами смутно слышала нечёткие голоса и звуки, долетающие как будто из неба, но видеть ничего не видела. Вот такая муть.

ИСТОРИЯ ДЕСЯТАЯ

Паранормач, будем говорить сегодня о якутских зомби. Да-да, в якутских верованиях даже им местечко нашлось, причём зомби в Якутии даже бывают двух видов — юёр и деретник. В местных жёлтых газетках время от времени (особенно во время святок) появляются статейки типа «Юёр — якутский зомби!!!1», поэтому первый вид намного более известен, хотя под описание классического америкосовского зомби больше подходит деретник.

Итак, юёр — это по сути не живой мертвец, а неуспокоенный дух мертвеца. Считается, что на каком-то этапе после смерти человека спрашивают: «Ну как, отправишься дальше, или хочешь в срединном мире ещё потусоваться?». 99 % соглашаются уходить, но некоторые особо горящие желанием не покидать этот мир личности отвечают отрицательно. Тогда с них сдирают всю кожу с лица (не спрашивайте, как это с духа можно кожу содрать — я ХЗ), разворачивают голову на 180 градусов и отправляют обратно на Землю-магушку. Кстати, в случае с самоубийцами такой фокус могут проделать и не спрашивая, ибо нехуй (к самоубийцам у якутской религии вообще отношение крайне отрицательное). Там этот изуродованный дух ютится по всяким абаддонам недалеко от места своей смерти. Света он боится, ему постоянно холодно и

вообще хреново, и очень скоро он начинает желать о своём выборе и озлобляться. Как только его градус его злости дойдёт до такой точки, что готов будет набрасываться на любого несчастного путника, пришедшего в обиталище, то всё — юёр готов. Но на зомби из фильмов он всё же не слишком похож, скорее это вполне обычный абасы — правда, юёру приписывают способность иногда чисто физически мочить человека, что с рядовыми злым духами нечасто бывает. Помните пасту про святки и балаган? Вполне возможно, что страшого брата там выпилил именно юёр, обстоятельства, по крайней мере, подходят.

Юёр не вечен. По прошествии довольно длительного времени (не меньше несколько десятилетий, а то и веков) он как бы «рассеивается», теряет силу и всё-таки покидает планетку. Что происходит с заблудшей душой в дальнейшем, не совсем понятно — мифология в этом вопросе даёт невнятные ответы.

Деретник — это совсем другое. Это реально оживший труп, одержимый злыми духами. Деретником могут стать злые шаманы после, которые завещали своё тело всяким демонам на использование, некоторые самоубийцы и простые люди, пожранные особо мощными абасы. Деретники очень похожи на американских зомби: не имеют ничего общего со своей прижизненной личностью, разлагаются на ходу, часто не могут внятно говорить, двигаются судорожно и дёргано, нечеловечески сильные и быстрые, малочувствительны к увечьям и горят желанием убивать и жрать. Если человек становится деретником, то это обычно происходит в течение суток после смерти, если не успеть похоронить его по особым правилам. Если же этого не сделано, то, как говорится, держитесь, суки. Дальше запилю одну популярную на местах пасту про деретника.

Итак, два друга-охотника находились в глубокой тайге в малознакомой местности и немного заблудились. Тем временем наступил вечер. Было лето, поэтому ночью было не очень темно, и они решили не ложиться спать, а попытаться всё-таки выйти на дорогу. К полуночи забрели в какую-то особо глухую чащу. Один из охотников был из тех, кто «особо чувствителен» ко всякой херне, и он сказал, что надо бы поскорее убираться из этого места, что-то тут не так. Но не успели они и развернуться, как из-за дерева выскочил какой-то волосатый НЁХ, похожий на человека, и набросился на охотников. Прежде чем те пригшили себя, он повалил одного охотника (того самого экстрасенса) на землю и сильно покусал в плечо. Меж тем второй охотник опомнился и ёбнул существо палкой по голове, потом, когда тот отскочил, выстрелил почти в упор из дробовика. НЁХ завизжал и будто бы испарился в воздухе.

Охотник бросился к раненому другу, но тот закричал ему: «Не подходи!». Потом объяснил, что он чувствует, что всё равно помирает, и что после своей смерти наверняка станет деретником — мол, залезли мы в гнездо такой нечисти, что его уже не одолеешь. Друг попытался запротестовать, типа, я тебя как-нибудь выведу на дорогу, поймаем машину, поедем в больницу, но тот сказал: «Ничего не выйдет. Я уже мертвец. Теперь главное, чтобы после смерти со мной не было ничего непотребного». При этом он стал бледнеть на глазах, глаза выступили из орбит, вены вздулись — в общем, хреново человеку. Он сказал другу, чтобы после его смерти тот тут же отрезал ему голову и похоронил тело не отходя от места на достаточной глубине без всякого гроба и креста, причём животом вниз, а ноги развести и между ними положить отрезанную голову лицом вниз, затолкав в рот землю, самому убежать как можно быстрее и дальше. Друг охуел — спрашивает, ты ёбнулся, что ли, а тот — это древний обычай похорон для человека, который должен стать деретником. Если так похоронить, то деретник не сможет восстать. Пока говорили, ему становилось всё хуже, и в итоге изо рта пошла кровавая пена, и он умер.

И вот стоит второй охотник над телом друга в ночной полутьме в лесу и думает, что делать. И всё-таки рука у него не поднялась с телом друга так поступать — просто выкопал могилку, положил туда тело лицом вниз, закопал, на дерево повесил всякие ткани, чтобы потом хоть как-то можно было найти, и отправился искать дорогу, к тому же боясь, что тот самый НЁХ в любой момент выскочит из леса. Идёт час, два, три, уже и рассвет близко. И вдруг слышит, где-то за спиной далеков лесу ветки под чьими-то ногами трещат. Ну он сразу насторожился, снял ружьё с плеча, ускорил шаг. Но звук быстро направляется аккурат к нему, как будто точно знает, где он. Охотник отложил кирпичей, развернулся и приготовился достойно встретить, кто бы это ни был. Звуки всё ближе, и наконец из кустов выпрыгивает покойный друг — весь в земле, волосы растрепаны, уже трупными пятнами покрыт, глаза не двигаются, одежда висит лохмотьями, а ещё изо рта и ушей свисают какие-то трубочки — то ли вены какие, то ли сопля, или ещё какая хуйня. Как деретник увидел его, сразу кинулся вперёд, как волк — рычит, дёргается, клацает зубами. Охотник выстрелил в него, промазал, между тем тот добрался до него и одним движением руки на добрые пять метров отбросил. Охотник, к счастью, ружья не выпустил, выстрелил снова и на этот раз разнёс мертвецу всю башку. Но даже это деретника — не остановило — почти безголовый труп продолжал бегать за ним, размахивая руками, каким-то образом безошибочно определяя его местонахождение. «Успокоился» только после нескольких попаданий картечью в грудь и конечности. Когда деретник упал, охотник быстро вырыл новую могилу, отрезал то, что осталось от головы и на этот раз похоронил точно так, как его раньше просил друг. Как закончил, сразу съебался. На этот раз никто его догонять не стал. Вскоре он вышел на дорогу.

Кстати, к этой истории обычно добавляют, что к нему позже во сне являлся этот друг и, с одной стороны, благодарил, что тот всё-таки сделал в итоге всё как следует, а с другой, упрекал, что он с самого начала сразу так не сделал — мол, из-за этого инцидента «там» у него ещё куча серьёзных проблем будет.

Больше якутской крипоты в продолжении этой копипасты: [Конунаста:Срееру:Якутия 2](#)